

РОЗДІЛ 4

Наративи. М. Я. Грот очима сучасників

Грунтуючись на численних публікаціях в пресі, можна зробити висновки про важливість активної діяльності професора М. Я. Грота як популяризатора наукових знань в Одесі. Його публічні лекції, доповіді, семінари та практичні заняття широко обговорювалися в одеській пресі. Такий обсяг публікацій, присвячених вченому, свідчить про жвавий інтерес публіки до предмету його наукових поглядів, які не залишили байдужими одеських слухачів. Серед робіт, які ми піддали передруку, є прижиттєві статті в одеській періодичній пресі та два цікавих відгуки на смерть професора М. Я. Грота.

Авторами оглядів лекцій вченого, які містили найрізноманітніші думки про наукові новаторства професора, часом досить критичні, були кореспонденти газет і прості слухачі. Так, дехто Гутор, який виступавший під псевдонімом «Студент», почувши звістку про приїзд М. Я. Грота в Новоросійський університет, поспішив ознайомити одеську читаючу публіку з науковими поглядами вченого. Він зосередився на працях професора, які привернули, на той час, увагу іноземних науково-філософських журналів й отримали суттєві відгуки. Автор статті зазначав, що М. Я. Грот в своїх працях зачіпив низку нових важливих питань, його теорія є настільки глибокою і новою, що критики не змогли охопити всі головні питання його теорії, і тому він (Гутор) намагається заповнити цю прогалину, зосередивши свою увагу більш детально на «теорії психічного обороту» М. Я. Грота.

Своєрідним анонсом до вступної лекції М. Я. Грота в стінах Новоросійського університету можна вважати вельми компетентну статтю невідомого автора, що дає короткий огляд життя і діяльності професора М. Я. Грота на момент його прибуття до Одеси. Вступна лекція – перша з циклу лекцій, в якій викладається історія питання, дається огляд проблематики, розкриваються цілі і завдання всього циклу, характеризуються основні методологічні та методичні установки, необхідні для подальшої лекційної роботи. Якщо врахувати, що лекція, про яку йде мова в статті не тільки вступна до всього циклу, присвячена аналізу поняття «прогресу», а й перша лекція молодого професора в стінах незнайомого йому

ще Новоросійського університету, то такий анонс, можна вважати, був не тільки потрібним, корисним, але і необхідним для тих, хто намагався її слухати.

Не менш прикметним є повідомлення в одеській пресі невідомого автора про практичні лекції з психології, що проходили в аудиторії Новоросійського університету під керівництвом проф. М. Я. Грота. Метою таких занять є експериментальна перевірка «законів асоціації уявлень». Автор зазначав, що подібні експерименти проводились вперше в 1861 г. видатним голландським фізіологом Ф. Дондерсом. Згодом думка про вимірювання інтелектуальних процесів знайшла сприятливий ґрунт і в Німеччині, в психофізіологічній лабораторії Вундта, але в Росії немає жодної згадки про такі дослідження. Пріоритет в цій справі належить саме проф. Новоросійського університету Н. Я. Гроту, який, займався тією частиною психометрії.

Цікавою замальовкою, яка надає ще один цікавий штрих до історії розвитку і викладання наук в Одеському (Новоросійському) університеті, можна вважати коротке повідомлення, надруковане в «Одесском листке» в березні 1886 р. Вона стосується стилю і манери деяких університетських професорів доносити свої знання до умів студентства.

Дві останні роботи відомі читачеві, тому що були надруковані, свого часу, в поширених виданнях та належать відомим вченим (Г. І. Челпанову та Е. Л. Радлову), але ці роботи згодом теж стали бібліографічною рідкістю, тому ми вважаємо доцільним зробити ці публікації більш відомими науковій спільноті.

4.1. Н. Я. Грот [краткий биографический очерк и характеристика его работ]

(М. Я. Грот : короткий біографічний нарис та характеристика його робіт)

Сегодня, в 10 ч. утра, в актовом зале Новороссийского университета профессор Н. Я. Грот прочтет вступительную лекцию, посвященную анализу понятия прогресса [1]. Г. Грот, еще очень молодой ученый, успел уже приобрести себе в науке почетную известность несколькими выдающимися сочинениями из области философии. На филологическом факультете нашего университета все восемь ординатур, полагающиеся по штату, заняты. Тем не менее совет университета, в виду важности замещения кафедры философии, относящейся к числу наук филологического факультета, но тесно, органически связанной с науками юридическими и биологическими, а также в виду достоинств предложенного одним из профессоров [2]. кандидата, избрал Г. Грота 24 голосами (единогласно) ординарным профессором по кафедре философии. Из доклада, которым

мы пользуемся в данном случае и который напечатан в самом незначительном числе экземпляров, совет университета ознакомился с личностью Г. Грота, как ученого. Николай Яковлевич Грот, получивший степень доктора философии в университете св. Владимира, до вступления в наш университет был ординарным профессором по кафедре философии в историко-филологическом институте кн. Безбородко. Сын известного нашего академика, почетного члена местного университета [3], он родился в 1852 г. По окончании курса Ларинской гимназии, Г. Грот поступил в 1871 г. на историко-филологический факультет Петербургского университета и занялся специальным изучением философских наук. Несколько лет, проведенные Н. Я. в Петербургском университете, дали ему серьезные, положительные знания. Молодой студент, поглощенный изучением древнегреческих философских теорий, выступает на 4-м курсе с сочинением «Опровержение Платона и пифагорейцев по метафизике Аристотеля». Сочинение это было удостоено золотой медали. 23-х-летнему ученому, по окончании курса, предлагают остаться при университете для приготовления к профессорскому званию. В тоже время Г. Грот получает приглашение занять кафедру философии в Историко-филологическом институте князя Безбородко, в Нежине. Г. Грот соглашается, но под условием, предоставления ему права уехать на год за границу для пополнения знаний. Молодой ученый остановился в Германии и зимой 1875 г. он занимается уже в Берлине изучением философии и естественных наук. Г. Грот много работает и над физиологией, проливающей яркий свет на многие психологические вопросы. Из Берлина Н. Я. переезжает летом 1876 г. в Страсбург, где проводит, среди непрерывных занятий, летний семестр. По прибытии в Нежин, Г. Грот энергично принимается за чтение лекций по психологии. Участие в философском диспуте проф. университета св. Владимира, Козлова [4], в Киеве, дает повод Г. Гроту выступить в 1876 г. с первым печатным трудом, критикой на «Философские этюды» [5] г. Козлова. Появление этой критики на труд г. Козлова доказало, что Г. Грот выработал известные определенные взгляды на сущность и значение философии. В последующей своей деятельности он уже не отступает от раз намеченных воззрений. Автор критики расходится с проф. Козловым в самой сущности понятия о философии. Г. Козлов видит в философии науку о мире, как целом, науку, имеющую целью руководить человечеством. У г. Грота сложилось иное понятие о философии. «Одно из двух, говорит критик Козлова, или «философия» есть только общее название для известного круга частных наук (как психология, теория познания, история развития мысли и т. д.), или «философия» есть не один только *flatus vocis* [6], а имя науки с известным особыми содержанием, которое, при настоящем распределении научного материала, может только состоять в построении знаний о мире, как целом. Г. Козлов становится на вторую точку зрения, мы стоим на первой и постараемся опровергнуть положение автора «Философских этюдов». Итак, Г. Грот различает фило-

софию, как науку, и философию, как построение субъективных систем о мире. Отрицая признаки науки за последним взглядом, г-н Грот говорит: «это не мешает нам удовлетворять вполне своей потребности к синтезу субъективному, вненаучному». Критик требует сближения области психических наук с науками биологическими.

Второй труд пр. Грота – «Сновидение, как предмет научного анализа» [7]. Занятия в Страсбурге в лаборатории проф. Вальдейера [8], под его ближайшим руководством обогатили автора серьезными знаниями. Г. Грот, работавший в то время над анатомическим строением малого мозга, поместил свои рисунки в «Archiv für mikroskopische Anatomie» [9] за 1877 г. В этюде «Сновидение» профессор, прежде всего, восстает против господствующих в жизни предрассудков и суеверий, которые видят во многих психических явлениях, подчиненных строгой законосообразности, что-то таинственное, сверхъестественное. Незрелость массы и неудовлетворительность научных исследований относительно сновидений могут только поддерживать этот ненормальный взгляд, чуждый всякого научного основания. На самом деле, память, воображение, бессознательное умозаключение, психические факторы иногда влияют на случайное или естественное совпадение сновидений с действительностью. Считаем уместным привести слова французского критика этюда пр. Грота: «Автор – полный хозяин во всей литературе древней и новой, которая касается данного предмета, и в своей работе дает синтез того, что только, по его мнению, можно извлечь оттуда. . . Автор энергически отбрасывает последние остатки символического понимания сновидений и надеется, что этот дикий способ скоро перестанет мешать свободе мысли («Revue Philosophique» 1878). Не менее сочувственно относится к труду Грота и бельгийский психолог Дельбеф [10]. Английский философский журнал «Mind» (1879 г.) [11] и «Русская речь» [12] за 1881 г. обратили также серьезное внимание на труд Г. Грота. Мы обращаем также внимание местной интеллигентной публики на этот этюд, который, при довольно популярном изложении, затрагивает очень интересную область сновидений.

В 1878 году Грот поместил в «Revue Philosophique» свое критическое исследование «Essai d'une classification nouvelle des sentiments» [13]. Опыт новой классификации чувствований явился результатом основательного изучения как старых психологов, так, и это главными образом, новейших французских и английских: Дюмона [14], Булье [15], Бэна [16]. В этом, оригинальном по замыслу, труде Г. Грот, недовольный господствующей классификацией чувствований, старается дать свои принципы классификации. Через два года явился «опыт классификации» уже в обработанном, законченном виде – в труде «Психология чувствований, в ее истории и главных основах» (Петербург 1880 г.). Этот серьезный объемистый труд ученого делится на две части. Первая часть содержит в себе подробный критический очерк истории вопроса, от философов

древней Греции и анализ учения древних мыслителей; вторая часть теоретическую систему: место чувствований в ряду психических явлений, условия образования первых чувствований и т. д. «Психология чувствований» – диссертации Г. Грота на степень магистра. Критика, и русская и иностранная, отнеслась к этому труду с прежним сочувствием, хотя многие из критиков расходятся с автором в толковании некоторых вопросов. В декабрьской книге «Вестника Европы» за 1880 Г. Грот поместил статью «По поводу вопроса о психологии чувствований» [17]. В августе прошлого года Г. Грот выступил в киевском университете для защиты своей диссертации на степень доктора философии: «К вопросу о реформе логики, опыт новой теории умственных процессов» (Лейпциг, 1882 г.). Не будем останавливаться на этом серьезном труде Г. Грота, потому что о нем бы пришлось писать слишком много. Скажем только, что защита диссертации носила характер горячего научного турнира между Г. Гротом и профессором Козловым, приверженцем старой немецкой школы. Г. Грот вышел победителем из этой битвы.

(Одес. листок. 1883. 1 дек. (№ 264))

Коментарі до авторського тексту статті:

[1] Грот Н. Я. Значение науки как фактора прогресса, и прогресс в развитии самой науки : лекция, чит. в Новорос. ун-те. Одесса, 1883. 16 с. ; Те ж саме // Одес. листок. 1883. 15 дек. (№ 275) ; 16 дек. (№ 276).

[2] кандидатура М. Я. Грота була винесена на Вчену раду Новоросійського університету проф. історико-філологічного факультету О. О. Кочубинським на засіданні, яке відбулося 3 березня 1883 р., пункт 12 (Протоколи засідань совета ИНУ, 1882-1884. С. 55-81.); Кочубинський Олександр Олександрович (1845-1907) філолог, історик слов'ян, археолог, проф. ИНУ

[3] Грот Яків Карлович (1812-1893) – рос. філолог, проф. Гельсінгфорз. ун-ту, чл. С-Пб. АН з 1858 р.

[4] Козлов Олексій Олександрович (1831-1901) – рос. філософ-ідеаліст, публіцист. один із перших представників персоналізму в Росії. Закінчив Московський університет (1854). До вивчення філософії звернувся в 1870-ті роки. Приват-доцент (з 1876 р.), проф. (з 1884 р.) Київського університету. Видав першим в Росії філософські журнали «Філософський трьохмісячник» (1885-1887) і «Свое слово» (1888-1898). Свої філософські погляди називав панпсихізмом.

[5] Козлов А. А. Философские этюды. СПб. ; Киев, 1876. Ч. 1; 1880. Ч. 2.

[6] flatus vocis (лат.) – голос дихання

[7] Грот Н. Я. Сновидения как предмет научного анализа : речь, произнесенная на годовичном акте Ист.-филол. ин-та кн. Безбородко в Нежине 30 авг. 1877 г. Киев, 1878. 68 с. ; Те ж саме // Изв. Ист. -филол. ин-та кн. Безбородко в Нежине. 1878. Т. 2. С. 1-68.

[8] Вальдейер Генріх-Вільгельм-Готтфрід (1836-1921) – видатний нім. анатом і гістолог, вивчав природничі науки і медицину в Геттінгені, а потім в Грейфсвальді і Берліні; був асистентом при Фізіологічному інституті з 1862-1864 рр. в Кенігсбергу, в 1865 р. – в Бреславлі, в 1865 р. екстра-ординарний, а в 1867 р. – ординарний проф. патологічної анатомії в Бреславлі, в 1872 р. – проф. анатомії в Страсбурзі, де для нього і за його вказівками був влаштований Анатомічний інститут, а в 1883 р. повернувся в Берлін. Наукові праці торкаються анатомії і гістології людини, будови і розвитку патологічних утворень та ін.

[9] «Archiv für mikroskopische Anatomie» – біологічний журнал, який виходив в Бонні (Німеччина) у 1865-1925 рр.

[10] Дельбеф Жозеф – (1831-?) бельг. філософ. В останні роки багато займався гіпнотизмом, який він вивчав в Парижі, а потім в Нансі. Праці його відрізняються оригінальністю і талановитим викладом. Найголовніші його праці: «Prolegomènes philosophiques de la geometrie et solution des postulats» (1860); «Essai de logique scientifique» (1865); «Essai d'une theorie psycho-physique sur la manière dont l'oeil apprecie les distances et les angles» (1865) та ін.

[11] англ. філософський журнал «Mind» («Майнд») був створений в 1876 р. шотландським філософом Олександром Беном і його колишнім студентом і колегою Джорджем Робертсоном Крумом в якості редактора. Хоча журнал в даний час зосереджений на аналітичній філософії, починав як журнал, що висвітлював головне питання: чи може психологія бути природничою наукою.

[12] «Русская речь» – помірно-прогресивний літературно-художній і громадсько-політичний журнал. Виходив у Санкт-Петербурзі в 1879-1882 рр. Редактор і видавець – поет, романіст, драматург О. О. Навроцький. Журнал успіху не мав. О. О. Навроцький на його виданні розорився і припинив його випуск в 1882 р на № 5.

[13] Grote N. Essai sur les principes d'une classification nouvelle des sentiments. Paris, 1878. – 38 p. ; Idem // Revue philosophique de la France et de l'Etranger. 1878. T. 6. P. 232-269.

[14] Дюмон Леон (1837-1876) – фр. філософ; спочатку належав до школи Гамільтона, пізніше став рішучим прихильником дарвінізму і теорії еволюції. Праці: «Les causes du rire» (1862), «Jean Paul et sa poétique» (1862), «Le sentiment du gracieux» (1863), «La morale de Montaigne» (1866), «Antoine Watteau» (1867), «Haeckel et la théorie de l'évolution en Allemagne» (1873), «Théorie scientifique de la sensibilité» (1876), «Un philosophe-amateur» (1884).

[15] Бульє Франциск (1813-1899) – фр. філософ і педагог. В 1837 р. – проф. філософії, пізніше генерал-експектор початкової освіти. Видана в 1842 р. праця Бульє «Histoire et critique du Cartésianisme» була удостоєна премії від Академії моральних і політичних наук і багато разів перевидавалась. З 1867 по 1870 р. обіймав посаду директора Вищої Нормальної (педагогічної) школи в Парижі; в 1875 р. він став членом Інституту Франції. У своїх творах Бульє виявляв тонкий психологічний аналіз, глибоку ерудицію і ясність викладу. Був прихильником психологічного анімізму (вчення про панування душі в людських діях).

[16] Бен (Bain) Александер (1818-1903) – англ. (шотл.) філософ, психолог і педагог. Професор логіки і англійської мови (1860-1880), потім – ректор Абердинського університету. Засновник журналу «Mind». Один із найбільших представників асоціанізму в психології XIX ст. Його праці, зокрема «Почуття і інтелект» (1855) і «Емоції і воля» (1859), привернули увагу психологів до експериментального вивчення психічних процесів, що призвело до початку перетворення психології в самостійну науку.

[17] Грот Н. Я. По поводу вопроса о психологии чувствований : письмо в ред. // Вестн. Европы. 1880. Т. 6, кн. 12. С. 839-868.

4.2. Студент [Гутор]. Труды профессора Грота: письмо в редакцию [1]

(Студент [Гутор]. Праці професора Грота: лист до редакції)

Прочитав в вашей газете известие о прибытии в Одессу Г. Грота, приглашенного на кафедру философии в здешний университет [2], я пожелал в беглом очерке и в общих чертах познакомить одесскую публику со взглядами этого ученого.

Г. Грот известен в научно-философской литературе двумя крупными сочинениями, не считая нескольких мелких статей: 1) «Психология чувствований во всей истории и главн[ых] основах», (обширная монография, вышла в 1880 году) и 2) «К вопросу о реформе логики. Опыт новой теории умственных процессов» (вышедшая в прошлом году диссертация на степень доктора, которую автор защищал в Киевском университете 2-го февраля нынешнего года) [3]. Оба эти сочинения обратили на автора внимание заграничных научно-философских журналов. Так, о последнем сочинении в февральской книжке журнала «Revue philosophique» [4] издаваемого в Париже под редакцией известного психо-физиолога Th. Ribot, «Revue philosophique» [5], мы находим обстоятельный реферат, заканчивающийся следующими словами: «Il faut espérer que cette théorie, ayant pour but de réformer tout leur domaine de la science nommée logique, sera approfondie et étudiée par les logiciens français, ce qui sera leur plus facile quand paraîtra la traduction allemande de l'ouvrage, qui est déjà commencée (Rev. phil. 1883, Février, p. 212). [6]. В нашей литературе довольно подробный отзыв помещен в февральской книжке «Русского богатства» [7], единственного в России журнала, уделяющего довольно много места науке и философии.

Но автор «реформы логики» затронул столько вопросов, его теория настолько нова и оригинальна, что ни один из этих отзывов не охватывает даже всех *главных* вопросов, составляющих содержание «реформы логики».

С моей стороны было бы смело в настоящем беглом очерке, который я пишу для одесской публики, стараться пополнять все пробелы

упомянутых отзывов. Я скажу лишь несколько слов вообще о взглядах Г. Грота и остановлюсь более подробно на его «теории психического оборота», особенно в приложении к логике. Г. Грот стоит на точке зрения эволюционной теории. Ту область знания, которая обнимается в настоящее время термином философии, философских наук, Г. Грот включает отчасти в область точной *опытной* науки, отчасти в область творчества, в область искусства.

В речи своей «Отношение философии к науке и искусству» [8], сказанной им на диспуте в Киеве, он говорит, что в основе философии и науки лежит одно и то же стремление – познать мир; но познание это может быть двояко: во-первых необходимость взаимодействовать с внешней природой, бороться с ней и побеждать ее заставляет человека изучать природу, ограничиваясь какой-либо одной областью и изучая ее подробно и точно. Во-вторых, совокупность чувств человека, весь склад его нравственного мира требует полноты и гармонии знаний, хотя бы и не точных. Первую область Г. Грот называет наукой; вторую, которая есть лишь временный синтез наших знаний, Г. Грот обнимает в понятии философии и относит к области творчества, искусства. Из этого видно, что логику и психологию Г. Грот выделяет в область науки, хотя, при недостатке в разработке фактического материала, авторы сочинений по психологическим наукам вносят в свои теории элемент личного творчества. Поэтому Г. Грот, в той же речи, (речь эта была напечатана в газете «Заря») [9] затем вышла отдельным изданием) выражает надежду, что если его труд, т. е. книга «о реформе логики», не будет признана трудом научным, то он будет признан по крайней мере философским.

«Психическое существование» есть специальный вид «существования организма вообще». Поэтому Г. Грот в основу своих психологических теорий ставит дедукции из биологических наук. «Только дедукции из общих законов природы и жизни могут дать твердую опору для наук о сознании, а не беспорядочный анализ изолированных фактов внутреннего опыта, сам по себе совершенно субъективный» («К вопр. о реф. логики», стр. 109) [10]. «Существование организма вообще» есть «взаимодействие организма и среды, имеющее результатом приспособление внутренних отношений к внешним», по определению Спенсера [11].

Г. Грот, исходя из этого определения, во-первых – дополняет его в том смысле, что «взаимодействие организма и среды» заключается столько-же в приспособлении внутренних отношений к внешним, как и внешних к внутренним. Примером последнего может служить вся культурная обстановка современного человечества. Во вторых, Г. Грот, говоря о видах взаимодействия, делит его на «обмен веществ» и «обмен впечатлений или движений». «Психическое существование организма есть тот вид взаимодействия (существования вообще) его с окружающею

средою, ради приспособления внутренних отношений к внешним и внешним к внутренним, *который состоит в обмене между ними движений* (или впечатлений), *в противоположность обмену веществ* (ibid. стр. 49).

Каждый акт взаимодействия состоит из следующих моментов: действие среды на организм и ответное действие организма на среду; каждый из этих моментов в свою очередь состоит из двух моментов: внешнего или объективного и внутреннего или субъективного, т. е. в начале мы имеем 1) момент объективно-сенсорный, *ощущение*; далее следует 2) момент субъективно сенсорный, *чувствование*: оценка впечатления как удовольствия или страдания; за чувствованием следует 3) *стремление*, момент субъективно-моторный, – и наконец 4) *движение* того или другого органа, момент объективно-моторный. Движение организма, производя перемену в среде, порождает опять в организме *ощущение* этой перемены, за которым в свою очередь следует все только что перечисленные моменты и т. д. Таким образом, автор объясняет факт непрерывности сознания.

Последовательность 4-х моментов Г. Грот называет «полным психическим оборотом». Упражнение, которое делает более быстрою последовательность моментов каждого психического оборота, является причиною кажущегося выпадения некоторых моментов. Напр., в так называемых рефлекторных действиях как бы отсутствуют моменты субъективные. Но это отсутствие только кажущееся, ибо вследствие быстроты следования друг за другом, субъективные моменты не доходят до сознания. В своей «Психологии чувствования», где автор подробно разбирает все случаи выпадения отдельных моментов, он приводит следующий пример: «если, видя падающую нам на голову штукатурку дома, мы быстро отскакиваем в сторону, то по миновании опасности являются все последствия страха, которого мы, по-видимому, не ощущали в себе, как мотива для сделанного нами скачка, т. е. сильное биение сердца, бледность лица, иногда даже трясение членов, и т. д.» (стр. 439). Очевидно, что чувство страха, хотя и недошедшее до сознания, вызвало в настоящем случае, совершенно рефлекторно, мгновенный прыжок в сторону. Обороты психические делятся на правильные и неправильные, равномерные и неравномерные, простые и составные и т. д.

Я не имею возможности вдаваться в подробности, а ограничусь одним примером, взятым из сочинения «О реформе логики»: «Крестьянин, пришедший на заработки в столицу, в первый раз видит пароход, – он рассматривает его, любителю новинкою, стремится поближе разглядеть ее и направляется к пристани: *это общий или внешний оборот*. Вместе с тем происходят частные или внутренние: орган зрения, в процессе рассматривания, напрягается, чувствует утомление и все-таки стремится приспособиться к впечатлениям; в центрах тоже происходит работа: обдумывание и комбинация впечатлений, борьба чувств и стремлений (узнать предмет

и бросить баловство, чтобы пойти на работу); в *органах движения та же смена оборотов*, выражающаяся в ускорении или замедлении шагов, смотря по близости пристани и т. д.» (стр. 59,60).

Считаю нужным упомянуть еще об одном важном различии между оборотами, в которых преобладают моменты чувствительные, сенсорные, и в которых моменты моторные служат лишь выражением в слове и в игре мускулов лица того, что происходит в сознании, – и оборотами, в которых преобладают моменты двигательные, моторные. Первые автор называет *страдательными* оборотами; в них преобладает *действие среды на организм*, они представляют приспособление внутренних отношений к внешним; совокупность страдат. психич. оборотов Г. Грот обнимает в понятие *психической жизни*. Вторые Г. Грот называет деятельными и обнимает в понятии психической деятельности; в них преобладает *действие организма на среду*, они представляют приспособление внешних отношений к внутренним.

Науку о сознании Г. Грот делит на следующие отделы: анатомия сознания, или *психостатика*, заключается в исследовании *явлений психической жизни* (т. е. продуктов влияния внешней среды на организм) в связи с их постепенным развитием; физиология сознания или *психодинамика* – исследует процессы действия самого организма и сознания, т. е. *движения*, составляющего психическую *деятельность*. Наконец, общая наука о сознании, так сказать биология сознания, может быть названа *психологией*.

Логика, по определению Г. Грота, есть та часть психодинамики, которая изучает *процессы познавательной деятельности*; другая часть психодинамики есть *этика*, занимающаяся изучением *психодинамики процессов нравственной деятельности*.

Из изложенного ясно видно, что «теория психического оборота» есть краеугольный камень теоретических построений Г. Грота в его упомянутых сочинениях. В рецензии, помещённой в журн. «Мысль» [12] о сочинении Г. Грота «Психология чувствований» указывается на важное значение «теории психич. оборота» с точки зрения эволюционной теории: «Эти положения (т. е. о *четырёх* моментах оборота) имеют глубокое значение. В самом деле, приняв их, психолог обязан уметь открывать для каждого психического акта его *четыре* момента, хотя бы для этого ему пришлось обращаться к изучению далекого прошлого, или области бессознательной жизни организма, или даже к истории самого типа. Таким образом, мы имеем здесь прочный критерий, как для исследования, так и для оценки исследований психической области и чувствований в частности» (Мысль, 1880 г. № 6 стр. 173).

Применяя общую «теорию психического оборота» к исследованию познавательной деятельности, составляющей объект логики, Г. Грот при-

ходит к важным результатам. Я остановлюсь на его гипотезе «*специфических центральных ощущений*», которая при чтении сочинения «К вопр. о реф. логики» меня более всего поразила своей оригинальностью. Но прежде скажу несколько слов о познавательной деятельности вообще. Познават. деятельность разложена на «преемства троякого рода простых оборотов, а именно оборотов, связанных с отправлениями *центров*, органов *восприятия* и органов *движения*.» Все умственные процессы, т. е. «обороты, связанные с отправлениями центров,» по мнению Г. Грота, суть *ассоциативного движения*, устанавливающего связь между «явлениями объективной восприимчивости». Автор, указывая на то, что все почти авторы употребляли термин *движение*, «под метафизическим углом зрения», говорит, что *он* разумеет под умственными движениями «совершенно *эмпирический факт*: а именно те, с одной стороны физиологические, с другой – психические перемены, благодаря которым между объективными восприятиями или явлениями объективной восприимчивости устанавливается известная *связь* или известные *отношения*, которые первоначально, т. е. при поступлении их в сенсориум, не существовали» («К вопр. о реф. логики» стр. 92).

Далее, исходя из того факта, что эти движения, т. е. устанавливающая связь между восприятиями, могут быть сознательны, и с другой стороны мы их не можем сознать посредством известных *внешних* органов чувств, – Г. Грот предполагает, что мы сознаем эти движения посредством особых *ощущений*, которые он называет *центральными*. Напр. отождествляя свои восприятия, мы сознаем, *во-первых*, отдельные восприятия, воспринимаемые посредством внешних органов чувств и *во-вторых*, сознаем то умственное движение, которое отождествляет отдельные восприятия; т. е. на ряду с восприятиями отдельных внешних предметов у нас является *ощущение тождества*, ощущение того движения в мозговых центрах, которое отождествляет наши восприятия. Далее, подобно тому, как из *внешних* ощущений развиваются представления и понятия, конкретные и отвлеченные, *о родах и видах* предметов, их действиях и состояниях, – так из *внутренних ощущений*, называемых автором «специфическими умственными» в нас развиваются представления и понятия о тождестве, о равенстве, о последовательности во времени, вообще идеи об *отношениях* объектов внешнего опыта. Из этой гипотезы Г. Грот выводит ряд следствий очень важных, на которых, к сожалению, я не могу остановиться. Замечу только, что эта гипотеза представляет новый шаг в развитии опытной психологии. Еще Локк [13], наряду с внешними ощущениями, признавал источником наших знаний размышление ума над собственными операциями, и обнял этот источник в понятии *рефлексии*. Далее Кант [14] признав, что *некоторые* наши идеи, напр. идея о пространстве, времени и проч., не могли образоваться из внешних ощущений, признал эти идеи «априорными категориями ума».

Г. Грот спрашивает: «почему же эти гениальные мыслители не сделали ранее нас, того естественного, по-видимому, шага к конечному развитию теории умственной деятельности, каковым представляется признание особых умственных ощущений лежащих в основании понятий, которые вносятся нами в суждения высшего порядка? Объяснить этот факт можно очень просто. Чтобы признать какой-нибудь новый класс ощущений, нужно признать существование нового объекта, который прежним ощущениям недоступен. Этим путем, между прочим, произошло и открытие мускульных ощущений шотландскими психологами прошлого века; когда они подметили, что в восприятиях зрительных, осязательных и других играют важную роль движения органов чувств, которые могут быть не только сознательны, но и произвольны, то явилась потребность предположения особых ощущений, помощью которых мы узнаем об этих движениях, и вот возникла оказавшаяся впоследствии столь плодотворной гипотеза мускульных ощущений, теперь уже вполне доказанная. Такой же точно процесс привел и нас к признанию ощущений центральных и в частности умственных. Мы пришли сначала к убеждению, что все умственные процессы суть движения, затем принуждены были признать, что эти движения могут быть сознательны, а отсюда сама собою возникает мысль, что есть и специфические ощущения, помощью которых эти движения сознаются, что вполне подтверждается и давно признанным существованием идей, относительно которых необходимо поставить дилемму, что – или они прирождены нашему уму, или возникают из комбинации таких простейших сознательных ощущений, как и все прочие идеи, – причем эта дилемма только поставленною нами гипотезою и разрешается вполне удовлетворительно, т. е. в том направлении, какого требуют общие принципы современной психологии, отрицающей прирожденность каких бы то ни было идей» (см. стр. 147). Я остановился подробно на *одном* из результатов исследования Г. Грота, именно на гипотезе центральных ощущений, отчасти потому, что в рецензии, весьма обстоятельной и подробной, на сочинения Г. Грота, помещенной в февральской книжке «Русского Богатства» за нынешний год, об этой гипотезе не сказано ни слова; отчасти же я остановился на изложении этой гипотезы, потому, что на ней едва ли не яснее всего виден метод автора. Но, повторяю, в книге Г. Грота есть масса выводов, весьма важных, о которых я здесь не упомянул. Я считал также излишним входить в критику воззрений Г. Грота. Моя цель была – познакомить одесскую публику и студентов в общих чертах с научной физиономией нового профессора, и смею думать, что эта цель достигнута мною.

Студент

(Одес. листок. 1883. 21 сент. (№ 206). С. 2)

Коментарі до авторського тексту статті:

[1] Готор – прізвище автора статті, яке взяте зі списку літератури про Н. Я. Грота, вміщеному в зб. «Николай Яковлевич Грот в очерках, воспоминаниях и письмах товарищей и учеников, друзей и почитателей» (СПб., 1911. – С. 362)

[2] мається на увазі Імператорський Новоросійський університет, де М. Я. Грот був обраний ординарним професором філософії з 1883 р.

[3] Грот Н. Я. Психология чувствований в ее истории и главных основах : [магистер. дис.]. СПб., 1880. XIV, 569 с. ; Те ж саме // Изв. Ист. -филол. ин-та кн. Безбородко в Нежине. 1880. Т. 5. С. 411-551 и Грот Н. Я. К вопросу о реформе логики. Опыт новой теории умственных процессов : [докт. дис.]. Лейпциг, 1882. XXVI, 349 с. ; Те ж саме // Изв. Ист. -филол. ин-та кн. Безбородко в Нежине. 1882. Т. 7. С. 1-210.

[4] «Revue philosophique» («Філософський огляд») – академічний журнал, заснований Т. Рібо в 1876 р. Його продовжили видавати Л. Леві-Брюль, Е. Брех'єр, Пол Массон-Урсель. Спочатку публікувався щомісяця, потім протягом 30 років раз в 2 тижні, а потім щоквартально.

[5] Рібо (Ribot) Теодюль Арман (1839 – 1916) – фр. психолог, родоначальник досвідченого напрямку у французькій психології, проф. Сорбонни (1885) і Коллежу де Франс (1888), де був директором (1889) першої французької психологічної лабораторії. Засновник і редактор першого у Франції психологічного журналу «Revue philosophique».

[6] «Слід сподіватися, що ця теорія, маючи на меті реформувати всю їх область, іменовану логікою, буде більш поглиблено вивчена французькими логіками, що буде для них легше [зробити], коли з'явиться німецький переклад цього твору, який вже розпочатий».

[7] «Русское богатство» – щомісячний літературний журнал, що видавався у Санкт-Петербурзі з 1876 по 1918 р. Редактор журналу – М. В. Биков

[8] Грот Н. Я. Отношение философии к науке и искусству : речь, произнес. на докт. диспуте в Киев. ун-те 2 февр. 1883 г. Киев, 1883. 27 с. ; Те ж саме // Заря. Киев, 1883. № 27, 28.

[9] «Заря» – політична і літературна газета, що видавалася в Києві з 1880 по 1886 рр. щодня; видавець-редактор П. А. Андрієвський (1849-1890). З 1885 р. по 1886 р. газету тимчасово редагував Л. А. Куперник.

[10] Грот Н. Я. К вопросу о реформе логики. Опыт новой теории умственных процессов : [докт. дис.]. Лейпциг, 1882. XXVI, 349 с. ; Те ж саме. [Вып. 1 : гл. 1-3] // Изв. Ист. -филол. ин-та кн. Безбородко в Нежине. 1882. Т. 7. С. 1-210.

[11] Спенсер Герберт (1820-1903) – англ. філософ, соціолог вікторіанської епохи брит. індустріалізму, родоначальник еволюціонізму, засновник органічної школи в соціології

[12] «Мысль» – щомісячний літературно-науковий журнал, що виходив Санкт-Петербурзі в період з 1880 по 1882 рр. Видавець-редактор – М. П. Вагнер. З дру-

гої половини 1882 р. редактором був Л. Е. Оболенський. Попередня назва цього журналу – «Світ», виходив з 1887 по 1889 рр. Видавець-редактор – М. П. Вагнер.

[13] Локк Джон (1632-1704) – англ. філософ та політ. діяч, розробив емпіричну теорію пізнання та доктрину лібералізму

[14] Кант Іммануїл (1724-1804) – нім. філософ, родоначальник нім. класичної філософії.

4.3. О практических занятиях по психологии под руководством профессора Н. Я. Грота

(Про практичні заняття із психології під керівництвом професора М. Я. Грота)

По вторникам от 1 до 2 ч. в аудитории Новор. [оссийского] университета происходят для желающих из числа студентов практические занятия по психологии под руководством проф. Н. Я. Грота, имеющие ближайшим своим предметом экспериментальную проверку законов ассоциации представлений. В виду новизны подобных занятий у нас, в России, мы позволим себе поделиться с читателями теми сведениями, которые имеются у нас по этому предмету.

Первые опыты измерения интеллектуальной деятельности были произведены в 1861 г. известным голландским физиологом Дандерсом (вместе с Яагером) [1]. Мысль измерять интеллектуальные процессы нашла благодатную почву в Германии. Знаменитый психофизиолог Вундт [2] произвел ряд исследований, сконцентрировавших вокруг него целую массу молодых ученых. Опыты производились в психофизиологической лаборатории Вундта в Лейпциге. Исследованию Вундта подвергались интересные в ученом отношении вопросы, как: скорость умственных актов вообще, влияние различных медикаментов, между прочим, алкоголя, на скорость психических актов, так называемое «чувство времени» и т. п. Этот чрезвычайно важный и любопытный отдел экспериментальной психологии, называемый психометрией, нашел массу приверженцев во Франции, Англии и Италии. У нас, в России, к сожалению, решительно нет никакого помину о существовании этого движения ни в периодической, ни в научной литературе. Почин в этом деле принадлежит проф. Новорос. [сийского] университета Н. Я. Гроту, который, на первое время, занялся той частью психометрии, которая имеет своим предметом статистическое исследование законов ассоциации.

Первые отчеты под руководством проф. Грота были произведены следующим образом. Экспериментатор предлагает каждому из участвующих написать по поводу данного слова то, что в этот момент придет ему в голову; при этом требуется, чтобы лицо, стараясь подавлять всякую сознательность, отдавалось совершенно механическому, пассивному

течению представлений. Очевидно, что данное слово в прошлом опыте каждого лица связано с самыми разнообразными представлениями, обнаруживающими его индивидуальные особенности.

Предлагаемые слова бесконечно варьируются по плану экспериментатора. Полученные таким образом за один раз 200-300 ассоциаций дают возможность такого их классифицирования на отдельные группы, в каждой из которых будет заключаться достаточное число данных для обобщений.

На одной из своих лекций проф. Н. Я. Грот обещал опубликовать добытые результаты статистической части «психометрии», именно, «экспериментальной проверки законов ассоциации».

(Одес. вестник. 1884. 13 дек. (№ 273). С. 2)

Коментарі до авторського тексту статті:

[1] Дондерс Франс Корнелис (1818-1889) – нідерл. фізіолог, іноземний член Санкт-Петербурзької академії наук (1887). У 1869 р. на матеріалах досліджень часу реакції як процесу, розробив методика, яка отримала назву «закон Дондерса».

[2] Вундт Вільгельм Максиміліан (1831-1920) – нім. лікар, фізіолог та психолог, засновник експеримент. психології.

4.4. Л. Ж. На лекциях:

[о манере одесских профессоров читать лекции]

(Л. Ж. На лекціях: [про манеру одеських професорів читати лекції])

В течение всего марта еженедельно два раза в университете читаются публичные лекции; я не буду говорить, о том, что читается, а побеседую о том, как читается и как слушается.

Зала переполнена публикой, студенты заняли свои места около кафедр, на которой появилась тонкая, стройная фигура человека среднего роста; большая голова, эффектно зачесанные назад волосы, высокий выступающий лоб, глубоко вдавленные блестящие глаза, нервные движения, словом весь наружный вид располагает слушателя в пользу лектора и рекомендует его, как человека, способного сильной умственной деятельности.

Профессор Грот начинает говорить, первых слов его не слышно. Но вот вы прислушались, лектор доказывает, что с помощью философии можно разрешить все вопросы, мучающие человечество. С напряженным

вниманием следишь за лектором, через 20 минут теряешь нить его лекции, схватываешь только некоторые факты, немногие выводы, но суть, суть, чувствуешь, что она исчезла и ее не поймашь, оглядываешься кругом и видишь скучающих позевывающих слушателей.

Разбираемый вопрос интересен, излагается довольно простым языком почти без технических выражений, периоды речи красивые, изящные свободно и легко льются из уст лектора, а все вместе нагоняет на слушателей скуку и виноваты не слушатели, а лектор. Причина скуки кроется отчасти в расположении сообщаемого материала, отчасти же в малодоступности самого сюжета. На всех лекциях профессора Грота, на которых мне приходилось быть, я не знал, к чему он стремится и как предполагает достигнуть намеченной цели.

Это не дает возможности обыденному слушателю разобраться в нагромождаемом материале. Если бы лектор совершенно ясно сформулировал положение, которое стремится доказать и при этом познакомил бы с путем, по которому направляются доказательства, то обыденный слушатель, зная ближайшие пункты, мог бы видеть, действительно ли лектор идет туда, куда хочет, и не мучился бы вопросами при сообщении каждого нового факта или вывода: зачем, к чему и почему?

В лекциях профессора Шерцля [1], всё ясно и понятно: замечательное дело: стремление к большей ясности, стремление к иллюстрации читаемого массой примеров на второй лекции произвело удручающее впечатление на публику. Примеры оживляют, но слишком много примеров, и при том однородных, это уже балласт, выходит тяжеловато, скучновато и рябит в глазах. . . Можно увлекаться, но всякому увлечению должен быть предел. Лектор, однако, находчив. Многие из публики, утомленные продолжительностью чтения начали уходить из аудитории. Это производит шум; тогда лектор для иллюстрации своего положения приводит фразу «не шумите и не запирайте двери», и переводит фразу на китайский язык. Не знаю уже, точный ли был перевод, но я знаю, что шум мгновенно стих, а сам лектор заторопился, чтобы закончить лекцию.

Профессора Кирпичникова [2] я и видел, и слышал первый раз; он видимо пользуется расположением у публики – его и встретили, и проводили дружными аплодисментами. Без сомнения, он заслужил эту популярность, но «биография Жорж-Занд» к его лавровому венку не прибавила ни одного листочка. У лектора был прекрасный материал, но беда в том, что он не экономно распорядился им.

Мы много слышали о предках «Жорж-Занд» – положим, это очень важно – и очень мало о самой Жорж-Занд, – а несомненно, что в своей собственной жизни, она играла важнейшую роль, чем ее предки.

Самый способ передачи лекции – чтение по тетради – не мог действовать его успеху.

Лекция профессора Успенского [3] составлена интересно, новое освещение совершившихся событий, их оригинальный подбор и неожиданное объяснение фактов поддерживают интерес публики к чтению; но речь лектора мне напомнила давно былые школьные годы. Урока не знаешь, товарищ подсказывает, прилагательное сказал, а существительное, к которому относится, не успел, странная несвоевременная остановка, точно такими же остановками была переполнена лекция почтенного профессора.

Я боюсь, что у читателя может появиться мысль: если так плохо на лекциях, то и ходить туда не стоит. Нет, стоит, непременно стоит. Я говорил, только о том, как читаются. В этом отношении есть и пробелы, но где их нет? Сообщается же лекторами масса интересного, оригинального материала. Из рефератов трудно понять, насколько интересны лекции профессора Шерцля. Стоит привыкнуть к манере чтения профессора Грота, и вы с удовольствием его прослушаете. Конечно, при чтении упомянутых профессоров у вас никогда не захватит дух от напряженного ожидания дальнейших событий, как было на чтениях г. Афанасьева [4], когда вся аудитория обращалась в слух. Затем еще экс-профессор Мечников [5] может служить идеалом чтеца, популяризирующего известные научные истины. Он знаком с своим предметом до мельчайших деталей, какое чувство меры в сообщаемых сведениях, какое свободное изложение! Язык – образец простоты, лаконичности и замечательной удобопонятности. Впрочем, немногим дано свыше то, что дано г. Мечникову, но будем благодарны представителям науки и за те лекции, которые читаются теперь в университете.

Но вот за что положительно нельзя благодарить гг. лекторов – за постоянное и умышленное опоздание. Раз лекция начинается в 1 $\frac{1}{2}$ или 8 часов и профессор с последним ударом часов должен быть на кафедре, большинство публики сидит на своих местах вовремя, а отставшие рассчитывают на опоздание профессора, которые вследствие этого, по моему мнению, положительно оказывается невежливым к большинству. И в проигрыше сам лектор; возьмем для примера вторую лекцию г. Шерцля, он на кафедру взошел в 1 $\frac{3}{4}$, я пришел в аудиторию в 1 ч. 20 и уже сидело много публики; лекция кончилась в 3 $\frac{1}{4}$ и таким образом для многих, вместо полуторачасовой лекции она превратилась в двухчасовую.

Наплыв на первую лекцию публики вызвал у распорядителей оригинальную меру: был уничтожен проход посередине между стульями, потому с большим неудобством для себя и с громадным беспокойством для ранее пришедших, приходилось пробираться на места. Я положительно отказываюсь допустить мысль, что здесь сыграли роль несколько рублей, получившихся от постановки лишних стульев; за эту меру распорядителей благодарить опять -таки нельзя.

Большинство публики, посещающей лекции, дамы. В одной из местных газет по поводу дамских шляп была помещена заметка; нельзя не согласиться, что действительно мешают видеть лектора и слушать его. Дамы ропшут друг на друга за шляпы, но все-таки их далеко не все снимают; я себе это объясняю просто: те, которые признают себя миловидными и хорошенькими без шляп, снимают их; те же, которых шляпы украшают и которые выигрывают, благодаря шляпам, конечно, ни за что их не снимут.

Слушает публика лектора чрезвычайно внимательно, большинство не спускает глаз с его лица. На первое чтение профессора Успенского как-то чадолюбивая мамаша привела сына гимназиста лет 10-11. Я довольно часто обращал внимание на то, как слушает мамаша: на лице ее было чрезвычайно ясно написано: ничего тоскливее во всю мою жизнь не слыхала, и вдруг на следующую лекцию явилась не только с сыном, а и с дочкой, которая, видимо, моложе брата.

Оканчивая настоящую заметку, я еще раз должен повторить, что она касается только казовой стороны лекций, но никак не их содержания.

Л. Ж.

(Одесский листок. 1886. 21 марта (2 апр.) (№ 78). С. 2-3)

Коментарі до авторського тексту статті:

[1] Шерцль Вікентій Іванович (1843-1906) – чеськ. і рос. філолог, санскритолог, фахівець з порівняльно-історичного мовознавства, етимолог, доктор філологічних наук, професор Харківського університету. З 1885 р. обіймав посаду професора порівняльного мовознавства в Новоросійському університеті, володів більш ніж 30 мовами.

[2] Кирпічников Олександр Іванович (1845-1903) – рос. історик літератури, проф. ІНУ. Член-кореспондент Санкт-Петербурзької академії наук (1894).

[3] Успенський Федір Іванович (1845-1928) – історик, археолог. Визнаний лідер російського візантієзнавства кінця XIX – початку XX ст.

[4] Афанасьєв Георгій Омелянович (1848-1925) – історик, педагог, журналіст, громад. діяч.

[5] Мечников Ілля Ілліч (1845-1916) – біолог, фізіолог. Лауреат Нобелівської премії 1908 р. в галузі біології та медицини за праці з імунітету.

4.5. Челпанов Г. И. Памяти проф. Н. Я. Грота

(Челпанов Г. И. Пам'яті М. Я. Грота)

I¹

Я знал близко покойного с 1888 г., когда он был приглашен в Одесский университет [1] из Нежинского института. Об этом времени у меня и у моих товарищей сохранились самые лучшие воспоминания. Молодой, горячо увлекающийся своей наукой преподаватель, представлявший резкий контраст с большинством своих академических товарищей, он сразу привлек к себе симпатии не только учащейся молодежи, но и всего интеллигентного общества, которое с непрекращающимся интересом посещало его публичные чтения по философии.

Его популяризаторский талант, его чуткость в понимании вопросов жизни, его умение затронуть животрепещущие вопросы сразу создали ему большое число учеников, готовых серьезно у него учиться. Он умел не только заинтересовать, но умел и заставить серьезно трудиться. Его громадная заслуга, как учителя, заключалась в том, что он был учителем, близко стоявшим к своим ученикам. Он не только учил, но и работал вместе со своими учениками. Он не только старался заинтересовать, но и принимал участие в работе своих учеников, и значение этого участия никто из его учеников не забудет.

Он был дорог своим ученикам не только этим, не только это влекло к нему сердца молодежи. Студенты любили в нем не только профессора, с увлечением преподававшего философию – его любили за его необыкновенную гуманность и отзывчивость. Я живо помню, как не один студент в трудную минуту жизни обращался к Н. Я., в полной уверенности, что в его лице он найдет и сочувствие и помощь. Это знали все, и многие даже злоупотребляли этим. Он любил молодежь искренней любовью. Молодежь это знала и платила ему взаимностью.

В те времена нужна была „проповедь» философии. Задача его, как преподавателя, состояла не в том, чтобы преподавать науку всеми признанную, – ведь, нужно было еще заставить признать эту науку. Это была тяжелая задача, выпавшая па долю покойного.

Скромная деятельность провинциального преподавателя философии его не удовлетворяла. Он чувствовал себя призванным для более широкой деятельности. Его манила столица.

В 1886 году он переходит в Московский университет, и переход его туда был очень чувствительной утратой для Одессы.

В Москве он действительно нашел то, что искал. Здесь ему пришлось быть не только преподавателем университета, но пришлось взять

¹ «Киевлянин» 1899 г. № 145 и «Русский Труд», № 25.

на себя руководство над деятельностью нового, только что возникшего общества. Дело это было очень трудное. Психологическое общество ставило себе широкие философские задачи. Для выполнения их, казалось, было слишком мало работников. Нужно было найти работников, и они были найдены; это было делом неустанной энергии Н. Я. Никто не умел объединять, подобно ему, людей различной специальности. Это можно было сделать при широкой терпимости к взглядам других. Терпимость была одной из основных черт его характера.

В Психологическом обществе [2] принимали участие лица различных специальностей, различных направлений, диаметрально противоположных взглядов. Все это, казалось – элементы, не соединимые для общей философской работы. Нужна была энергия Н. Я., чтобы соединить несоединимое; и это ему удалось. Полезная деятельность процветающего ныне Психологического общества в значительной мере обязана энергии покойного.

При самых неблагоприятных условиях Н. Я. Грот задается целью объединить всех философски мыслящих людей России для одной общей работы; он задумывает издавать философский журнал в России. Я помню, как все близкие предсказывали ему неуспех, указывали на отсутствие читателей, а главное, отсутствие сотрудников. Но ничто не могло остановить покойного перед начинанием, которое, по его мнению, должно было быть весьма важным для развития философии в России. Я хорошо знал Н. Я. в этот период его деятельности и могу сказать, что он не щадил своих сил для этого дела и здесь-то он расстроил свое здоровье. Слишком тяжелый труд, который выпал на его долю, погубил его. Но Н. Я. утешал себя той мыслью, что, жертвуя собою, он создает дело огромной важности для отечественного просвещения. Если мы посмотрим, каково было отношение к философии 10-15 лет тому назад, в сравнении с тем, что мы видим теперь, то мы заметим огромное различие. Совершенное отсутствие интереса тогда, и серьезный интерес теперь. Такому повороту в общественном мнении не мало способствовал журнал, детище покойного Н. Я.

Деятельность его началась при очень неблагоприятных, условиях. В обществе господствовало полное недоверие к науке, которую он ставил целью своей жизни. Но это не заставило его сложить оружие. Неутомимая энергия, готовность бороться за любимое дело, свойства, которые нужны были для служителя такой непризнанной науки, как философия, были ему присущи вполне. В последние годы жизни он сам мог видеть благоприятный поворот в общественном мнении.

Идеалист по натуре, он пережил один раз в жизни очень серьезный перелом. В зрелые годы его наступил момент, когда он уже не мог довольствоваться тем позитивизмом, который он усвоил в юности; ум его искал более широких горизонтов, и он нашел для себя выход в идеалистических системах. Платон [3] сделался его излюбленным философом.

Он, со свойственной ему искренностью, сознался в совершившихся в его взглядах изменениях и с тех пор неуклонно шел по этому пути и очень много сделал для философского идеализма. Его преемники это знают и достойным образом оценят его заслуги в этом отношении. Историк нашего просвещения за последнюю четверть XIX века, наверное, отдаст ему весьма почетное место.

Любитель изящного слова, покойный сам обладали им, и это не мало способствовало его дару популяризации, который привлекали в его аудитории огромные толпы слушателей.

Русская наука обязана ему не только как ученому, но и как популяризатору.

Многочисленные ученики и почитатели его во всех уголках нашего обширного отечества с глубокою скорбью узнают о преждевременно угасшей жизни любимого наставника.

Мир праху твоему, дорогой учитель!

II¹

Весной 1883 года я кончал гимназию, и мне нужно было решить, в какой университет я поступлю. Мои вкусы уже определились: я остановился на том, что посвящу себя специальному изучению психологии. Но в какой Университет поступить и кого избрать своим руководителем? С наличными русскими научными силами того времени я был хорошо знаком. Сам очень расположенный только к эмпирической психологии, я и руководителя искал себе такого. Внимание мое могло остановиться на М. М. Троицком [4] и Н. Я. Гроте. Из них все мои симпатии были на стороне Н. Я. Грота. Молодой ученый, автор „Психология чувствований« [5], в которой проявил такую обширную эрудицию, в которой пользуется новейшими методами исследования, в основу психологии кладет физиологию, – это было для меня так привлекательно. Но избрание Н. Я. Грота руководителем представляло непреодолимые трудности, потому что он был тогда профессором Нежинского Института. Поступать в Нежинский Институт мне не хотелось. Я хотел поступить в Университет, чтобы изучать естественные науки. Желание ехать в Москву к М. М. Троицкому было очень невелико. Таким образом, мои мечты учиться психологии, как следует, наталкивались на сильное препятствие. Но вот неожиданно я получил утешительное известие. Один из преподавателей той гимназии, в которой я учился, именно С. Г. Квитницкий [6], ученик Н. Я. по Нежинскому Институту, находился в переписке с Н. Я., и Н. Я. ему сообщил, что его приглашают в Новороссийский университет. От него же я узнал, что

¹ Эти воспоминания Г. И. Челпанова о своем учителе, написаны специально для настоящего Сборника.

Н. Я. в своих личных отношениях в Нежинском Институте производил на студентов обаятельное впечатление.

Вопрос с университетом, таким образом, был покончен. Я решил поступить в Одесский университет. В конце августа 1888 года я уже был в Одессе, записался в студенты и находился в нерешительности относительно того, на какой факультета мне целесообразнее будет поступить: на естественный или историко-филологический. Окончательный ответ на это я думал получить от Н. Я. Но меня ждали большие огорчения. Когда я уже совершенно свыкся с мыслью относительно того, что я буду в Одессе, что я буду заниматься у Н. Я., проносится слух о том, что в силу каких-то причин переход Н. Я. в Одесский университет не состоится. Взволнованный этими слухом я отправился к декану, чтобы из официального источника узнать о справедливости его. Деканом историко-филологического факультета в то время был И. С. Некрасов [7]. Он подтвердил основательность этих слухов, но, видя мое огорчение, посоветовал мне ехать в Киев, к профессору Козлову [8], по его словам, молодому и энергичному преподавателю. Козлова и знал по его трудам, я знал, что у него психологии научиться нельзя, а от такого типа философии, которую преподавал «киевский метафизик», как его называли в общей прессе, я тогда был слишком далек. Скрепя сердце, решили подождать, в надежде, что все же слухи могут не оправдаться. И в самом деле, скоро выяснилось, что затруднения, которые мешали переходу Н. Я. из Нежинского Института, устранены, и что он еще в текущем полугодии приедет в Одессу. Наконец, сделалось известным, что Н. Я. уже приехал, и что в самом скором времени им будет прочтена лекция.

Узнав о его приезде, я не имея, терпения дожидаться того времени, когда он начнет чтения в университете, чтобы там с ним познакомиться; мне хотелось поскорее увидеть того, с кем я так давно мечтал стать в близкие отношения. Хотя я чувствовал неловкость такого шага, однако, преодолеть своего желания поскорее познакомиться с Н. Я. я не мог. Решиться на это мне помогло еще и то обстоятельство, что у меня было письмо к Н. Я. от С. Г. Квитницкого. С большим волнением я переступил порог его квартиры – и хотя С. Г. и предупредил меня, что Н. Я. вообще всегда очень любезен, тем не менее, мне казалось, что неловкость моего поступка как-нибудь будет отмечена Н. Я. Но первые слова его обращения ко мне тотчас мне показали, что я напрасно волновался. Та пропасть, которая отделяла провинциального гимназиста от профессора с уже громким именем, тотчас же исчезла. Сразу началась беседа на тему о психологии, о современном ее положении, о том, как ее следует изучать и т. п. На мой вопрос относительно выбора факультета, Н. Я. советовал поступить на историко-филологический факультет, а не на естественный, и его доводы показались мне убедительными. Он дал мне несколько указаний относительно того, чем мне сейчас следовало бы заняться. К концу

вечера наша бесіда, которая очень затянулася, приняла настолько интимный характер, что мне перестало казаться, что это наша первая бесіда. Я ушел с сознанием, что Н. Я. обнаружил по отношению ко мне не просто любезность, но что он отнесся ко мне с участием. С своими товарищами я мог поделиться впечатлением, которое на меня произвел новый преподаватель, им я мог также сообщить, что лекция вступительная будет на тему «О классификации наук». Сообщая им о своей бесіде с Н. Я., я говорил, что на меня произвело такое впечатление, что на почве философских рассуждений Н. Я. всегда готов поделиться со всем тем, что у него есть. Это первое мое впечатление меня не обмануло. Таким я его знал до конца его жизни.

Студенты ждали вступительную лекцию Н. Я. В общей прессе так много говорилось о его трудах, о его направлении и о его даровании, как преподавателя. В Одессе уже несколько лет кафедра философии никем не была занята, и потому интерес, с которым студенчество ждало нового преподавателя, был удвоенный. Студенты всех факультетов интересовались личностью нового философа. Всем хотелось его услышать и увидеть. Всем хотелось проверить, насколько действительность отвечает слухам.

На 1 декабря назначена была вступительная лекция – на тему «О понятии прогресса» [9] (очевидно, Н. Я. раздумал читать «о классификации наук»). Вступительная лекция была настоящим триумфом для Н. Я. Слушать его собрался весь университет. Весь зал, хоры актового зала и проходы были заняты студентами. Профессора всех факультетов, в том числе и естественники, были на этой лекции (помню, что на этой лекции были между прочим А. О. Ковалевский [10], И. И. Мечников [11] и Шведов [12]). Не буду говорить о том, в какой мере успешно прошла эта лекция, и по содержанию и внешности всех заинтересовавшая. По силе влияния она была прямо удивительна. Речь эта под заглавием: «Опыт нового определения понятия прогресса» была напечатана в одной из местных газет. В интеллигентных кругах Одессы долгое время только и разговора было, что о понятии прогресса. Появилось несколько статей, имевших целью возразить на эту речь Н. Я. Николай Яковлевич им возражал. Помню, многие студенты подавали ему сочинения на тему о прогрессе: они или возражали, или дополняли и т. п. Словом, в продолжении довольно долгого времени в умственных интересах Одессы те мысли, которые были высказаны в речи Н. Я., занимали выдающееся место. Насколько сильно было впечатление, показывает то, что за этот учебный год он еще несколько раз возвращается к этой теме. Еще раз пишется «Прогресс и наука» [13], «О субъективизме в социологии» [14] и т. п.

Чтобы оценить в должной мере значение этого влияния надо заметить, что то время, о котором я говорю, было особенно неблагоприятно для философии. Уровень философского развития студенчества были крайне не высоки, философией еще очень мало интересовались. Главный фило-

софский интерес сосредоточивался на позитивизме Огюста Конта [15], да и этот интерес был крайне поверхностный. Насколько поверхностными были интерес к Огюсту Конту, показывает, как мне кажется, следующий случай. В курительной комнате было вывешено одним студентом объявление о том, что им продается полное собрание сочинений Огюста Конта на французском языке; была проставлена и цена. Спустя некоторое время вновь появляется объявление уже другого студента о том же, причем цена была понижена. По истечении некоторого времени о продаже Огюста Конта возвещал уже третий студент. Как оказалось, дело шло о продаже одного и того же экземпляра. Изучать полное собрание сочинений Огюста Конта были охотники. Они его покупали, но, не будучи в состоянии овладеть им, спешили поскорее его сбыть. Можно было бы еще многое рассказать о том, как студенты того времени мало понимали философию, и как они мало были с нею знакомы. О большой публике, разумеется, и говорить нечего. Так вот в такое-то время пришлось Н. Я. действовать в Одессе.

После вступительной речи началась обыденная преподавательская деятельность Н. Я. Интерес к лекциям его, в особенности в первое время, были необычайно велики, потом этот интерес несколько уменьшился или, может быть, правильнее было бы сказать, он вошел в нормальные размеры, соответствующие уровню философского развития тогдашнего одесского студенчества.

Новостью для одесского университета было то, что около Н. Я. организовался небольшой кружок студентов, интересующихся философией. Занятия сначала шли у него на дому. Писались рефераты на всевозможные философские темы; по их поводу шли оживленные дебаты. Впоследствии деятельность этого кружка была перенесена в Университет.

Живой, увлекающийся Н. Я. не мог замкнуться в узкой сфере академической деятельности. Его манила широкая популяризация науки, и вот он выступает с целым рядом публичных лекций, избирая темой их основные вопросы философии. Эти лекции в буквальном смысле слова привлекали все слои населения. На его лекциях бывала и молодежь, и представители старого поколения, местная аристократия, военные, дамы и пр. На его лекциях я часто видел архиепископа Никанора. В такое неблагоприятное для философии время посещение массами публики лекций Н. Я. весьма знаменательно. Лекции его действовали, как фермент. Всегда за той или другой лекцией следом шли в печати обсуждения тех вопросов, которые он затрагивал на своих лекциях. Он читал то о ценности жизни, то о душе, то о свободе воли и т. д. За три года он прочел следующие лекции: «О свободе воли» – 1884 г., «О значении пессимизма и оптимизма» – 1884 г., «Джордано Бруно и пантеизм» – 1885 г., «Задачи философии в связи с учением Джордано Бруно» – 1885 г., «О душе в связи с современными учениями о силе» – 12 января 1886 г., «О пределах зна-

ния» – 6 марта, «Возможно ли достоверное знание нравственных законов и прочное обоснование абсолютных идей добра и зла» – 8 апреля 1886 г.

В лекции о душе им уже намечается его теория «психической энергии», которая впоследствии обратила внимание немецких ученых (Busse [16], Eisler'a [17] и др.)

Конечно, публика не все усваивала в его лекциях, но, бесспорно, уважение к философии возрастало. Всякий что-нибудь уносил из его лекций. Читал эти лекции он всегда с особым энтузиазмом и готовился к ним с таким же энтузиазмом. За много времени до публичной лекции он обыкновенно отрешался от всяких дел и напряженно готовился к этой лекции. Некоторое время он жил только ею. В кругу близких знакомых он предварительно прочитывал лекцию. Мне часто приходилось присутствовать на этих «генеральных репетициях», и я помню, он всегда читал их с таким увлечением, как если бы читал перед настоящей публикой, так же волновался, как на настоящей лекции. В кругу этих знакомых можно было часто встретить проф. Ф. И. Успенского [18] и его супругу Надежду Эрастовну, – оценке их Н. Я. придавал особенное значение.

Во всей его деятельности замечалась какая-то лихорадочность, волнение. Все, за что он ни брался, он делал с каким-то особым увлечением. Вся его личность являлась как бы воплощением той «психической энергии», которую он положил в основу своего учения о душе.

В 1885 году произошло событие, которое имело значение для его мирозерцания. По чисто внешним причинам он начинает заниматься изучением сочинений Д. Бруно [19]. Изучение системы Бруно имело то значение, что отныне интересы его направились на вопросы чисто метафизические. «Вопросы о душе» [20] и т. п., по преимуществу, привлекают его внимание. В следующем году он вместе с нами читает сочинения Платона: «Федон» [21], «Симпозион» [22] и Аристотеля «De interpretatione» [23]. С большим увлечением как обыкновенно, он проводит эти занятия. Но видно было, что больше всего его интересовал Платон. Платон начинает его интересовать до такой степени, что он все бросает и занимается только им одним. С этого момента коренной переворот его в мировоззрение намечается. Он решительно покидает свою точку зрения еще очень близкую к позитивизму, и переходит на сторону метафизики, за которую он теперь начинает усиленно работать. Он весьма часто в этот период времени всякую философию, которая держится действительности, отождествляет с Аристотелевскою философией, а всякую философию идеала считает тождественной с философией Платона, которую отныне считает своей.

За это же время Н. Я. переносит в университет те занятия, которые велись у него на дому. Эти знания, сопровождавшиеся дебатами, представляли, как я сказал, некоторую новость для одесских студентов; они их интересовали, будили интерес, поощряли к занятиям философией. О себе скажу, что интерес к вопросу о пространстве, которым я впоследствии

так долго занимался, родился здесь среди споров, которые велись в аудиториях Н. Я. И эти занятия он вел с таким энтузиазмом, как и все другое. Занятия Платоном и Аристотелем под его руководством были очень плодотворны, но велись они в очень малом кругу студентов-специалистов. В них принимали участие, главным образом, я, мой покойный товарищ О. Л. Гади [24] и еще два, три студента. Беседы его всегда имели такой непринужденный характер, потому что у него самого его мировоззрение находилось в периоде развития, и он сам этого отнюдь не скрывал. Независимо от университетских занятий я и О. Л. Гади весьма часто бывали у него на дому, и нам так уютно бывало в гостеприимном доме Н. Я., где любезности Н. Я. так соответствовало радушие хозяйки дома Наталии Николаевны Грот. Весьма часто Н. Я. за чайным столом развивал те взгляды, к которым он пришел в самое последнее время.

Живое участие он принимал и в деятельности ученых обществ. В Юридическом обществе [25] он выступает в защиту свободы воли. В кружке студентов-естественников излагал свои взгляды на природу пространства. В те времена у студентов физико-математиков организовался кружок под руководством проф. Умова [26] и Шведова [27]. Студенты читали доклады, которые здесь же и обсуждались. На одном из таких заседаний студент Г. Г. Деметц [28], ныне профессор Киевского университета, прочел доклад на тему: «Учение о пространстве Лобачевского» [29]. В это заседание был приглашен и Н. Я. Он с таким увлечением спорил, что завел своих оппонентов далеко за пределы чисто математического трактования вопроса и весь вечер все присутствующие занимались обсуждением его философской стороны.

Но три года деятельности в Одесском Университете окончились для Н. Я. полным разочарованием Одессой, одесским студенчеством, вообще провинциальной научной жизнью. Заметно было, что Н. Я. не удовлетворялся своей деятельностью. Этой неудовлетворенности подбавил и устав 1884 г. Этот устав, который почти совершенно изгонял философию из университета, сводя изучение этой последней исключительно к изучению философии Платона и Аристотеля, вызвал в нем беспокойство за судьбу философии. Он не мог помириться с таким положением и, очевидно, думая, что может способствовать изменению вводимого порядка, написал очень обоснованное возражение против предполагаемой постановки преподавания философии. Эту свою записку он нам читал, и нам она очень понравилась. Ее он посылал какому-то заинтересованному этим вопросом высокопоставленному лицу, но кому именно, я не знаю. Порядок преподавания остался тот, который был предначертан новым уставом. Значение философии в кругу факультетских предметов свелось прямо к нулю. Круг слушателей по философским предметам сделался крайне незначительным. Приходилось работать в очень маленьком кругу специалистов. Нас, занимающихся настоящими образом философией,

осталось два человека. Для него, привыкшего к кипучей деятельности, этого было слишком мало. Он часто жаловался на то, что для него в Одессе становится тоскливо, что Одесса его не удовлетворяет, что он хотел бы в столицу. . .

Приблизительно в апреле 1886 года состоялся его переход в Московский Университет. Мы, его ученики, с грустью узнали об этом. Что нас касается, то мы его понимали. В Одессе было трудно работать. Трудно представить себе условия, менее благоприятные для занятий философией, чем Одесса того времени.

В последних числах мая мы, его ученики, провели с ним последний вечер в Одессе за прощальным ужином в Европейской гостинице [30]. Н. Я. с большим увлечением говорил о своих новых планах преподавания в Московском Университете, делился с нами многими проектами, которые он надеялся осуществить. Мы простились с ним с большим огорчением.

«Н. Я. уехал, но дух его остался в Одессе», справедливо заметил о нем проф. Воеводский [31], когда у него на практических занятиях были прочитаны два реферата, на философские темы уже после отъезда Николая Яковлевича.

Весь следующий год я был занят писанием сочинения на тему, заданную Н. Я. («Учение Платона и Аристотеля об отношении опыта в мышлении»). В конце мая 1887 г., как только окончились мои официальные связи с Одесским Университетом, я тотчас же покинул Одессу, потому что не представлял себе более неблагоприятных условий для занятий философией, чем этот город, и вскоре затем поселился в Москве, чтобы продолжать свои занятия под руководством Николая Яковлевича

(Николай Яковлевич Грот в очерках, воспоминаниях и письмах товарищей и учеников, друзей и почитателей. СПб., 1911. С. 185-196)

Коментарі до авторського тексту статті:

[1] Мається на увазі Імператорський Новоросійський університет (1865-1920 рр.)

[2] Психологічне товариство засноване при Московському університеті 24 січня 1885 р. і проіснувало до 1922 р. В період з 1885 по 1887 рр. головою Товариства був М. М. Троїцький. З жовтня 1887 р. реально, офіційно – з січня 1888 до 1899 г. головою був М. Я. Грот. Після його смерті – Л. М. Лопатін (1899-1918). Час діяльності Товариства під головуванням М. Я. Грота оцінювався як «самий блискучий період в житті Товариства» і навіть «героїчний».

[3] Платон – давньогр. мислитель, поряд із Піфагором, Парменідом і Сократом основоположник європейської філософії; очільник філософської школи, що відома як Академія Платона.

- [4] Троїцький Матвій Михайлович (1835-1899) – рос. психолог, філософ. Професор Московського університету. Один із засновників журналу «Питання філософії та психології» (1889) та Московського психологічного товариства (з 1885).
- [5] Грот Н. Я. Психология чувствований в ее истории и главных основах : [магистер. дис.]. СПб., 1879/1880. XIV, 569 с.
- [6] Квітницький Степан Георгійович – директор Маріупольської Олександрівської гімназії. Голова «Спілки допомоги нужденним вихованок».
- [7] Некрасов Іван Степанович (1836-1895) – дослідник давньоруської літератури. Професор, декан (1874-1890) Новоросійського університету.
- [8] Козлов Олексій Олександрович (1831-1901) – рос. філософ-ідеаліст, проф. університету св. Володимира, один із перших представників персоналізму в Росії. Видавав першим в Росії філософські журнали: «Філософський трьохмісячник» (1885-1887) і «Своє слово» (1888-1898). Свої філософські погляди називав панпсихізмом.
- [9] Грот Н. Я. Значение науки как фактора прогресса, и прогресс в развитии самой науки : лекции, читанные в Новороссийском университете. Одесса, 1883. 16 с.
- [10] Ковалевський Олександр Онуфрійович (1840-1901) – визначний вітчизняний вчений, біолог, один із основоположників порівняльної ембріології і фізіології, експериментальної та еволюційної гістології, академік Санкт-Петербурзької академії наук, професор Казанського, Київського, Новоросійського (Одеського) і Петербурзького університетів.
- [11] Мечников Ілля Ілліч (1845-1916) – визначний вітчизняний вчений, зоолог, біолог, бактеріолог, фізіолог і патолог, філософ, один з основоположників порівняльної патології запалення, еволюційної ембріології та вітчизняної мікробіології, імунології, творець вчення про фагоцитоз і теорії імунітету, засновник наукової геронтології, член-кореспондент (1883), почесний член (1902) Санкт-Петербурзької академії наук. З 1888 року працював у Пастерівському інституті (Париж). Лауреат Нобелівської премії разом із П. Ерліхом з фізіології і медицини (1908).
- [12] Шведов Федір Никифорович (1840-1905) – вітчизняний фізик, д-р, професор, ректор (1896-1903) Новоросійського (Одеського) університету .
- [13] Грот Н. Я. Прогресс и наука : лекции, чит. в Новорос. ун-те 7-го и 8-го дек. как продолжение вступ. лекции о прогрессе. Одесса, 1883. 16 с.
- [14] Грот Н. Я. Ещё о субъективизме в социологии : возражение проф. Н. Карееву // Одес. вестн. 1884. 21 февр. (№ 41).
- [15] Конт Огюст (1798-1857) – франц. філософ позитивіст. Основоположник соціології як науки.
- [16] Буссе Людвіг (1862-1907) – нім. філософ і історик філософії, проф. університету в Галле і Кенігсберзького університету.
- [17] Ейслер Рудольф (1873-1926) – австр. філософ, послідовник Е. Канта та В. Вундта, представник спіритуалістичного дуалізму.

- [18] Успенський Федір Іванович (1845-1928) – історик-візантініст, славіст, археолог, академік Російської і Санкт-Петербурзької академій наук, академік АН СРСР (1925); професор Новоросійського університету.
- [19] Бруно Джордано (1548-1600) – італ. філософ епохи Відродження, поет, представник пантеїзму. Будучи католицьким священиком, розвивав неоплатонізм у вигляді ренесансного натуралізму.
- [20] «Про душу» – трактат Аристотеля, по якому стан душі залежить від стану тіла. Душа є принципом життя для всіх істот, як рослин, так і тварин. Трактат «Про душу» складається із 3-х книг.
- [21] «Федон» – ранній діалог Платона. У діалозі документується невдоволеність платонівського Сократа матеріальними причинами виникнення, зникнення та буття, як вони зображені в природно-наукових вченнях досократівських філософів.
- [22] «Сімposій» («Бенкет») – діалог Платона зрілого періоду (між 380 і 375 до н. е.), написаний, ймовірно, одночасно з «Федоном» і співвідноситься з ним як комедія з трагедією.
- [23] «De interpretation» («Про тлумачення») – другий текст з «Органона» Аристотеля. Є одним з найбільш ранніх збережених філософських творів у західній традиції. Твір присвячений проблемі відносин між мовою і логікою.
- [24] Гаді О. Л. – співробітник «Русского филологического вестника» (1889 р.).
- [25] Юридичне товариство при Новоросійському університеті (1879). Серед його членів-установників були фахівці публічного права професори: Ф. І. Леонтович (голова), М. І. Патлаєвський, Н. Н. Шпілевський, П. П. Цитович та ін.
- [26] Умов Микола Олексійович (1846-1915) – вітчизняний фізик-теоретик. Закінчив Московський університет (1867). З 1871 р. – доцент, з 1875 р. – професор Новоросійського університету.
- [27] Шведов Федір Никифорович (1840-1905) – фізик-теоретик та експериментатор, проф., ректор ІНУ
- [28] Де Метц Георгій Георгійович (1861-1947) – фізик. Випускник фізико-математичного факультету Новоросійського університету. Професор Київського університету св. Володимира.
- [29] Лобачевський Микола Іванович (1792-1856) – математик, творець неєвклідової геометрії (геометрії Лобачевського). Ректор Казанського університету (1827-1846). Його вчення про простір (1826 р.) вчинило переворот в уявленні про природу простору, в основі якого більше 2 тис. років лежало вчення Евкліда і мало величезний вплив на розвиток математичного мислення.
- [30] Європейський готель в Одесі містився на розі Пушкінської та Ланжеронівської вулиць. Утримувався купцем Ф. Г. Фелем. При готелі діяв першокласний ресторан.
- [31] Воеводський Леопольд Францевич – філолог-класик (1846-1901). Професор класичної філології в Новоросійському університеті.

4.6. Э. Р. [Радлов Э. Л.] Н. Я. Грот : некролог

Е. Р. [Радлов Е. Л.] М. Я. Грот : некролог

В ночь с 22-го на 23-е мая нынешнего года скончался в своем имении Кочеток (Харьковской губернии) ординарный профессор Московского университета, председатель Московского психологического общества, Николай Яковлевич Грот. Покойный профессор пользовался широкой и вполне заслуженной известностью; в судьбе русской философии он сыграл весьма заметную роль, и смерть его вызвала в многочисленных его учениках, друзьях и почитателях самое искреннее сожаление.

Николай Яковлевич, сын известного академика Якова Карловича Грота, родился в 1852 году и первоначальное образование получил в школе Видемана и в Ларинской С.-Петербургской гимназии; в 1871 году Николай Яковлевич поступил в С.-Петербургский Императорский университет, на историко-филологический факультет, который в то время был блестяще обставлен в научном отношении; в нем читали лекции такие выдающиеся профессора [ныне покойные], как И. И. Срезневский [2], К. Н. Бестужев-Рюмин [3], И. П. Минаев [4], В. Г. Васильевский [5], К. Е. Люгебиль [6], В. В. Бауер [7], О. Ф. Миллер [8], М. И. Владиславлев [9]. В университете Н. Я. Грот сначала увлекся изучением истории, а потом сосредоточился на философских науках. Профессор философии, впоследствии ректор С.-Петербургского университета М. И. Владиславлев обладал выдающимися качествами, к числу коих следует отнести простоту и ясность речи, и большую добросовестность в преподавании. М. И. Владиславлев говорили на своих лекциях только о том, что знал по первоисточникам; такое отношение к делу М. И. Владиславлев старался внушить и своим ученикам, при чтении им общих и специальных курсов. На специальных занятиях со студентами М. И. Владиславлев читал и комментировал «Метафизику» Аристотеля [10], «Критику чистого разума» Канта [11] и «Микрокосм» Лотце [12]. Он был довольно требователен по отношению к своим специалистам (Н. Я. Грот был первым по времени специалистом у Владиславлева). Поэтому полученная И. Я. Гротом золотая медаль за сочинение на заданную факультетом тему «Учение о числах по XII и XIII книге Метафизики Аристотеля» свидетельствует о дарованиях и склонности Николая Яковлевича к философии. Впрочем, нужно сказать, что М. И. Владиславлев не мог иметь на Н. Я. Грота большого влияния, вследствие разности их натур; М. И. Владиславлев обыкновенно настаивал на изучении немецких классиков, а Н. Я. Грот, во время своего пребывания в университете, увлекался модными тогда теориями и направлениями, а именно позитивизмом и учением Спенсера [13]. Может быть, что беседы с К. Д. Кавелиным [14], посещавшим дом Якова Карловича, и имели некоторое формальное значение в ходе развития Н. Я. Грота; они могли развить критические способности юноши,

хотя, по-видимому, мало отразились на содержании его мирозерцания, которое ко времени окончания университета уже было вполне сложившимся, как это видно из предисловия к докторской диссертации. Проблемы университетского, в специальности философского образования ясно сознавались Н. Я. Гротом, и он решил отправиться за границу для слушания дополнительных лекций; действительно, в Петербургском университете того времени был лишь один профессор философии, и он по необходимости должен был обходить молчанием многие философские науки, как, например, этику, гносеологию, эстетику. Однако Н. Я. Грот пробыл лишь недолгое время за границей, в Лейпциге, ибо в 1876 году мы видим его уже профессором философии в Нежинском историко-филологическом институте, куда он был приглашен Н. А. Лавровским [15], директором означенного института. Здесь Н. Я. Грот вскоре женился на дочери директора института. С этого времени и до самой смерти Н. Я. Грот не покидал университетского преподавания, которое вел с большими блеском и успехом сначала в Нежине (до 1883 года), потом в Одессе (до 1886 года), наконец в Москве; в текущем году Н. Я. Грот перешел в Харьковский университет, служить которому, однако, ему не было суждено.

Деятельность Н. Я. Грота была весьма разносторонней; он читал постоянные университетские курсы, выступал перед публикой в качестве лектора, находил время для научных и литературных работ, в которых иногда касался разных вопросов дня, – по преимуществу, впрочем, таких, которые имели отношение к школьной и университетской жизни, – наконец он представлял собою и видного общественного деятеля. Основные черты характера покойного способствовали такой разносторонней деятельности, а именно, отличавшие его живость, впечатлительность и экспансивность, благодаря которым все его научные работы ничто иное, как постоянное искание истины: он не остановился на какой-либо одной точке зрения, на одной философской системе, – вся жизнь его есть постоянное стремление, постоянное развитие, и в этой черте, без сомнения обнаруживается его дарование к философии. Покойному не было суждено создать прочную и цельную систему, но этому помешала преждевременная смерть, сразившая человека, твердо ставшего на путь созидания. Для характеристики Н. Я. Грота не лишнее привести здесь мысль, высказанную им в брошюре «О направлении и задачах моей философии» (Москва 1886), написанной в периоды умственного кризиса, перехода от отрицания к построению нового мирозерцания: «Философ, идущий прямо впереди, похож на планету, вращающуюся около солнца, ибо и истина есть своего рода солнце философской мысли. Он похож также на путника, решившегося обойти землю. Сей последний непременно рано или поздно, идучи неуклонно впереди, окажется даже своим собственным антиподом. . . Самый совершенный философ будет тот, который в течение жизни обойдет весь путь относительной человеческой истины,

обнимет ее со всех сторон и благополучно воротится с другой стороны к исходной точке своего мышления».

Н. Я. Грот начал с отрицания философии, как самостоятельной сферы духовной жизни человека. На первом его большом труде, «Психология чувствований в ее истории и главных основах» (С.-Петербург, 1880 : [магистерская диссертация]), отразилось влияние Спенсера и позитивизма. Н. Я. Грот защищает в этом сочинении, в котором историческая часть имеет несомненную ценность, теорию психического оборота, причем автор на психические явления смотрит, как на изменения в организме. «Психология чувствований» вызвала оживленную полемику автора с профессором А. А. Козловым, в которой Н. Я. Грот высказал и старался защитить свои общие принципы (см. «Еще по поводу вопроса о психологии чувствований. Ответ А. А. Козлову», Киев 1881). В докторской диссертации [«К вопросу о реформе логики. Опыт новой теории умственных процессов» (1882)] Н. Я. Грот стоит на той же самой почве, что и в предшествовавшем своем труде, причем главная задача книги состоит в сведении логики к психологии. На логику автор смотрит, как на чисто теоретическую науку о познании, а на познавательную деятельность, как на совокупность оборотов, направленных к явлению объективной восприимчивости и имеющих своим результатом приспособление явлений объективной восприимчивости к внутренним отношениям, лежащим в основе оборота. Однако, вера в позитивизм в Николая Яковлевича вскоре пошатнулась, ибо уже в 1883 году, в речи, произнесенной по поводу чествования памяти Джордано Бруно (см. «Задачи философии в связи с учением Джордано Бруно», Одесса 1885), слышится совершенно иная нота. «Были, правда», говорит автор, «тогда же попытки возродить Аристотеля на новых основаниях, как и теперь новокантианцы стремятся возродить на новых началах Канта, но как тогда против обновленного Аристотеля с большим успехом был поставлен подновленный Платон, так и теперь многими мыслителями выставляется Джордано Бруно». Поворот от позитивизма к тому, что принято называть весьма неопределенным термином метафизика, обнаруживается в Н. Я. Гроде с полной очевидностью в сочинении «О душе в связи с современными учениями о силе», Одесса 1886. В предисловии к этой книге мы читаем: «Еще недавно увлеченные успехами научного преподавания и отрицательными результатами философии нашего века, представители интеллигенции презирали во имя точного опытного знания всякую философскую работу мысли», и далее: «не пора ли нам, наконец, очнуться от позитивного террора, который овладел обществом в последние десятилетие». В то время, когда Н. Я. Грот писал эти строки, в настроении и мирозерцании общества произошла громадная перемена; в политике консервативное направление взяло верх над либеральным, в искусстве натурализм уступил место новому романтизму, а в философии материализм потерял силу над умами, и выступили идеалистические системы самых различных оттенков. Этот поворот в обще-

ственным настроении не мог не отразиться на впечатлительном Николае Яковлевиче. Может быть, что к этим общим причинам присоединилось еще и влияние архиепископа Никанора, жившего тогда в Одессе и издававшего свой большой труд о позитивной философии и сверхчувственном бытии. Н. Я. Гроту, разочаровавшемуся в позитивизме, пришлось приниматься за построение нового мирозерцания, и хотя, как это было замечено весьма правильно в одном некрологе (См. Лопатин. Н. Я. Гротъ. Вопр. Фил. № 48.), только воззрения первого периода философского творчества покойного ученого нашли себе законченное и систематическое выражение, все ж им сделано достаточно для того, чтоб определить дальнейший путь его развития. Первым шагом на пути от позитивизма к положительному мировоззрению по необходимости должно было быть признание самостоятельности духовного начала и, следовательно, дуализм в какой-либо окраске. Действительно, положительное содержание работы «О душе» [16] заключается с одной стороны в защите самонаблюдения как метода, способного «открыть нам основную сущность как нашего, так и всякого иного бытия» (стр. 16), с другой в обосновании двойственной основы вещей, состоящей из «силы-материи» и «силы-духа». В первом периоде развития Н. Я. Грот был по преимуществу рационалистом и смотрел отрицательно на философию, теперь, усомнясь в возможности для разума решить философские проблемы, он стал искать иных источников познания, помимо разума, и нашел их в чувстве («Значение чувства в познании и деятельности человека», Москва 1889). «Последние критерии истины и лжи», пишет Н. Я. Грот, «лежат в чувстве истины и лжи». «Для людей возможны чувства общие, достоверные, имеющие такую же степень необходимости и обязательности, какими обладают понятия нашего ума. Интуитивное или иррациональное познание чувством можно назвать постижением, в противоположность рациональному познанию умом, которое выражается термином понимания». В чувстве и воображении видит теперь Николай Яковлевич орудие синтеза, творчества, в мышлении орудие анализа. Отыскав этот источник познания, Николай Яковлевич хочет твердо обосновать «абсолютный разум вселенной, то есть Бога, абсолютную истину, благо и красоту, как принципы внутреннего строения вселенной», находя, что «настоящий философ, конечно, не может успокоиться, пока не оправдает законности этих вечно живых пружин человеческой деятельности, без которых она утратила бы всякое разумное значение». Оправданию этих основ и посвящена дальнейшая научная деятельность Н. Я. Грота, выразившаяся в целом ряде статей, помещенных в «Вопросах философии и психологии» с 1890 года. Сюда относятся следующие работы: «Критика понятия свободы воли в связи с понятиями причинности» [17], «Что такое метафизика?» [18], «Основания нравственного долга» [19], «К вопросу о значении идеи параллелизма в психологии» [20], «Основные моменты в развитии новой философии»

[21] и «О времени» [22]. Последней из перечисленных работ автор придавал особое значение, и это весьма понятно, ибо в этой статье мы находим дальнейший шаг Н. Я. Грота в сторону идеализма, к которому его привело признание самостоятельности душевного начала. Рассмотрев вопрос о времени, Николай Яковлевич пришел к заключению, что «время, как субъективная форма восприятия явления опыта, также, как и пространство, не есть закон самого духовного бытия и, как форма восприятия явлений внешнего опыта, не приложимо к изучению законов деятельности самой упорядочивающей все во времени мысли, — той твердой силы, которая сама создала время, как меру изучения явлений». Если же это так, то «не будет ли истинным Коперниканским переворотом в психологии такое воззрение на нашу душевную жизнь, которое признает наш дух со всеми неизменными формами и законами его бытия и отношениями к действительности материальной темы неподвижным солнцем, которое создает и освещает вращающуюся вокруг него и являющуюся ему в пространстве и во времени действительность?».

Мы перечислили главнейшие моменты умственного развития Николая Яковлевича Грота; однако покойный не был исключительно кабинетным ученым, он любил общественную деятельность и обладал редким талантом организатора. В Нежине и Одессе, очевидно, не было почвы для широкой деятельности, но в Москве Николай Яковлевич попал в ту общественную среду, в которой мог проявиться его талант организатора. Здесь он встретился с талантливыми профессорами-товарищами и знаменитыми писателями, как например графом Л. Н. Толстым, Вл. С. Соловьевым [23] и другими; здесь, наконец, он нашел восприимчивых учеников; всех их он сумел объединить в одной общей цели, и средством для этого послужило ему Московское психологическое общество [24], председателем которого он стал, после вышедшего проф. М. М. Троицкого [25]; из этого общества, деятельность которого была сначала мало заметной, он сделал один из умственных центров Москвы. Усилению значений этого общества способствовал и журнал «Вопросы философии и психологии», задуманный и удачно призванный к жизни неутомимым Николаем Яковлевичем. Сколько трудов и забот положили они на устройство этого дела, требующего не малых материальных средств, но еще большего такта и умения соединять людей, побуждать их к служению общему делу! По свойствам ума и характера Н. Я. Грот был как нельзя более способен к этого рода деятельности; он умел вызывать молодые и объединять уже созревшие силы. Никто иной, кроме Н. Я. Грота, не мог выполнить этой задачи по отношению к философии в России, и вот почему его имя сохранит навсегда почтенное место в истории русского просвещения.

Э. Р.

(Журн. М-ва нар. просвещения. 1899. Ч. 326, ноябрь. С. 41-47).

Коментарі до авторського тексту статті:

[1] Радлов Ернст Леопольдович (1854-1928) – російський філософ, історик філософії, філолог і перекладач. Член-кореспондент Російської академії наук (1920), засновник Санкт-Петербурзького філософського товариства.

[2] Срезневський Ізмаїл Іванович (1812-1880) – рос. філолог-славіст, етнограф, палеограф. Член Санкт-Петербурзької академії наук. У 1855-1880 рр. – декан історико-філологічного факультету Петербурзького університету.

[3] Бестужев-Рюмін Костянтин Миколайович (1829-1897) – рос. історик, один із засновників вітчизняної школи джерелознавства.

[4] Мінаєв Іван Павлович (1840-1890) – рос. сходознавець-індолог, засновник російської індологічної школи.

[5] Василівський Василь Григорович (1838-1899) – рос. візантініст. Член Санкт-Петербурзької академії наук (1890), член-засновник і почесний член Імператорського Православного палестинського товариства.

[6] Люгебіль Карл Якимович (1830-1887) – рос. філолог, педагог, професор.

[7] Бауер Василь Васильович (1833-1884) – рос. історик, дослідник загальної історії (особливо, античності). Декан історико-філологічного факультету Петербурзького університету (1880-1882).

[8] Міллер Орест Федорович (1833-1889) – філолог, історик рос. літератури, фольклорист. Професор Санкт-Петербурзького університету.

[9] Владиславлев Михайло Іванович (1840-1890) – рос. філософ, проф. і ректор Санкт-Петербурзького університету.

[10] Аристотель (384 до н. е. – 322 до н. е.) – давньогрец. вчений енциклопедист, філософ і логік, засновник класичної (формальної) логіки.

[11] Кант Іммануїл (1724-1804) – нім. філософ, родоначальник нім. класичної філософії.

[12] Лотце Рудольф Герман (1817-1881) – нім. філософ, медик, психолог, проф. філософії у Геттінгені, представник ідеал-реалізму.

[13] Спенсер Герберт (1820-1903) – англ. філософ, соціолог вікторіанської епохи британського індустріалізму, родоначальник еволюціонізму, засновник органічної школи в соціології.

[14] Кавелін Костянтин Димитрович (1818-1885) – рос. історик, правознавець, соціолог і публіцист.

[15] Лавровський Микола Олексійович (1825-1899) – історик, філолог, педагог, сановник, дійсний член Санкт-Петербурзької академії наук.

[16] Грот Н. Я. О душе в связи с современными учениями о силе : опыт филос. построения. Одесса, 1886. III, 92 с. ; Те ж саме // Зап. Имп. Новорос. ун-та. 1886. Т. 44. С. 259-354.

- [17] Грот Н. Я. Критика понятия свободы воли в связи с понятием причинности. М., 1889. XVI, 106 с. ; Те ж саме // Тр. Моск. психол. о-ва. 1889. Вып. 3 : О свободе воли. Опыт постановки и решения вопроса : реф. и ст. чл. Психол. о-ва. С. XV-XI, 1-96, XXIX-XXXVIII.
- [18] Грот Н. Я. Что такое метафизика // Вопр. философии и психологии. 1890. Кн. 2. С. 107-128.
- [19] Грот Н. Я. Основания нравственного долга. [Ч. 1] // Вопр. философии и психологии. 1892. Кн. 12. С. 146-164; Те ж саме. [Ч. 2], разд. 4 : Типические формы эвдемонизма // Там само. 1892. Кн. 15. С. 71-114.
- [20] Грот Н. Я. К вопросу о значении идеи параллелизма в психологии : [реф., чит. в Психол. о-ве 18 дек. 1893 г.] // Вопр. философии и психологии. 1894. Кн. 21. С. 36-54.
- [21] Грот Н. Я. Основные моменты в развитии новой философии. Ч. 1-3 // Вопр. философии и психологии. 1891. Кн. 8 – 10.
- [22] Грот Н. Я. О времени // Вопр. философии и психологии. 1894. Кн. 23. С. 248-280 ; Кн. 24. С. 381-417 ; Кн. 25. С. 445-493.